

Район пятидесятих стрит, ограниченный Первой авеню с востока и Пятой с запада, — мое самое любимое место в Нью-Йорке. Про себя я окрестил его «гастрономическим квадратом творческой интеллигенции». В ресторанах, кафе и барах, расположенных в этом квадрате, утоляют голод, а главное, жажду писатели и артисты, художники и журналисты, продюсеры и режиссеры, музыканты и танцоры, короче, служители всех муз. Принятие пищи сближает, принятие пищи низводит сильных мира сего до уровня обыкновенных смертных. Звезда, у которой в обычных условиях не вырвешь и автографа, готова охотно поболтать с тобой в «гастрономическом квадрате». Когда-то здесь можно было запросто выпить с Хемингуэем. Теперь можно столь же запросто подражать с Норманом Майлером. В баре «Пи Джей Кларкс» можно есть котлеты — «гамбургеры» с голливудскими и бродвейскими дивами и даже просить у них передать вам горчицу или кетчуп.

Третья авеню рассекает «гастрономический квадрат» на две равные части. Я чувствую к ней особую, почти сентиментальную привязанность. Здесь бродили герои романов Эриха Марии Ремарка, и я могу со скрупулезной точностью восстановить их маршруты, их хождение по букинистическим и антикварным лавкам. Здесь я церемонно раскланивался с Пуллетт Годдар, вдовой создателя «Триумфальной арки», женщиной, обессмертившей себя тем, что она была партнершей Чарли Чаплина. На Третьей авеню находятся кинотеатры «Баронет» и «Коронет» и универсам «Блюминдейлс». Их вертящиеся двери — своего рода шампур, на который насажены обитатели культурного «Кто есть кто?» Нью-Йорка и, пожалуй, всей Америки, то есть Соединенных Штатов оной. Сюда приходят любители игры «Узнай, заговори» со всего города. Правила этой игры до крайности простые: кто опознает больше знаменитостей, обходя «гастрономический квадрат». За опознание дается одно очко. Если ты осмелишься заговорить — два очка. Если тебе ответят — пусть даже и недвусмысленным «пошел вон!» — три очка.

Имеется в этой игре и свой «козырный набор» — если с тобой заговорит обительница дома 450, 52-я стрит. Зовут ее Грета Гарбо. За исключением продавцов газет, зелени, сигарет, никто подобным «набором» пока что похвастаться не может. Недаром французский ученый Ролан Барт сказал о Грете Гарбо, что «она создана из снега и одиночества». Снег иногда тает, но одиночество никем не нарушается. Заговорить с «Божественной» — так окрестили Гарбо по названию одного из ее фильмов — считается святотатством, верхом кощунства, на которые не решаются даже самые ответные пошлости и самые экзальтированные киномамы.

«Гарбо-вотчеры», то есть «наблюдающие Гарбо», делятся на две категории — пассивных и активных. По сути дела между ними нет никакой существенной разницы, ибо и те, и другие обязаны строго соблюдать единое для всех правило, которое гласит: «Не прикасайся к ней и не заговаривай с ней, пока она — если такое чудо произойдет — не заговорит с тобой первая». Пассивные просто таратаят глаза на великую актрису, не смея пошевелить рукой или ногой. Активные стараются приблизиться к ней, подслушать ее разговор с продавцами. Они следуют за ней по пятам.

Я принадлежу к активным. Будучи таковым, я не могу позволить себе роскошь полагаться исключительно на волю случая. Я хорошо изучил орбиты, по которым вращается эта звезда. Например, продовольственную лавку «Сэлнет» в скрещении Второй авеню с 53-й стрит, где торгуют Сильвио Фэррачи и Чарли Пастернак.

— Она покупает исключительно овощи и фрукты, — говорит Сильвио, кивая на старое фото Гарбо, прикрепленное к кассовому аппарату. — По-видимому, она вегетарианка. У нас есть превосходное мясо, но она ограничивается артишоками.

— И совершенно без ума от японской хурмы, — вставляет Чарли. — Сильвио специально раскладывает хурму на верхних полках витрины, чтобы она быстрее созрела для нее.

Стыдливый румянец заливает лицо зеленщика, и вместе с румянцем на него нисходит благодать.

— О, она такая милая леди! И я так беспокоюсь за нее! На прошлой неделе она выглядела очень плохо. Похудела и побледнела. А вчера была в отличной форме. Даже чуть-чуть подзагорела. Быть может, ездила куда-нибудь? Быть может, в мою Италию? Ведь она так любит итальянцев!

Чарли Пастернак многозначительно подмигивает мне. А Сильвио продолжает:

— Как-то прошлой зимой она пришла к нам в удивительно хорошем настроении.

Смеялась и даже шутила: «А почему бы мне не наняться к вам на работу? Стоять за прилавком — это пошло бы мне на пользу».

— Тебе надо было поймать ее на слове, — смеется Чарли. — Это пошло бы на пользу и нам. Она может продавать даже яблоки — сто долларов за штуку, и все-таки перед дверями нашей лавки вытянется хвост по всей Второй авеню!

Я принадлежу к активным «Гарбо-вотчерам». Я знаю, что помимо «Сэлнет» она покупает продукты в «Грин Вэлли Фудс» на Первой авеню. Кстати, ее походы в «Грин Вэлли Фудс» свидетельствуют о том, что «Божественная» отнюдь не вегетарианка. Там специализируются, говоря по-нашему, на цыплятах-табака. Впрочем, «Божественная» покупает не готовую продукцию, а полуфабрикаты. Такое одолжение делается только для нее. «Я люблю их жарить сама», — объясняет она хозяйку «Грин Вэлли Фудс», и он — тоже в порядке исключения — не обижается, что кто-то, хотя бы косвенно, ставит под сомнение профессионализм его поваров-специалистов.

Однажды я впал в искушение — мне захотелось нарушить первую и единственную заповедь всех «Гарбо-вотчеров» — «Не прикасайся и не заговаривай...» В роли змия-искусителя оказалась милая собачонка, не знаю какой породы. Ее хозяйка, молодая женщина, живет на Саттон-плейс несколько ниже дома 450-Ист, 52-я стрит, где обитает «Божественная». Надо сказать, что все «Гарбо-вотчеры» — и пассивные, и активные — одна большая семья, нечто вроде масонской ложи. Мы безошибочно узнаем друг друга с первого взгляда и понимаем друг друга с полуслова. Поэтому молодая матрона не удивилась, когда я заговорил с ней о «Божественной».

— Я вижу Гарбо почти каждый день. Можно сказать, что я даже знакома с

ней. Вернее, не я, а моя собака, — говорит обительница Саттон-плейс вполне серьезно, без тени юмора. — Завидя нас, Гарбо часто останавливается, наклоняется к собачке, гладит ее, шепчет ей ласковые слова.

Вот тут-то меня и осенило.

— Не могли бы вы одолжить мне вашу собачку на несколько минут? — воскликнул я с мольбой в голосе.

Будучи заядлым «Гарбо-вотчером», женщина поняла меня с полуслова, но, поняв, сокрушенно и отрицательно покачала своей прелестной головкой.

— Она разговаривает с моей собачкой, а не со мной. Меня она даже не замечает, будто я вообще не существую. Как-то раз я вышла погулять без собачки и вдруг увидела — впереди идет Гарбо. В меня словно бес вселился, и я решила сесть ей на хвост. Гарбо шла вверх по Второй авеню. Затем повернула на запад по 55-й стрит. Кстати, вы, наверное, обратили внимание, что у Гарбо довольно быстрая походка для женщины ее лет*. Мне пришлось буквально бежать, чтобы не отстать от нее. Дойдя до угла Лексингтон авеню, Гарбо вынула из сумочки небольшое круглое зеркальце и стала глядеться в него. Но я заметила, что глядит-то она не на себя. Она хотела удостовериться, что ее никто не преследует. Я так испугалась, так смутилась, что бросилась бежать со всех ног в обратном направлении.

Иногда приходится бежать самой «Божественной». Вот что рассказал мне известный продюсер Фрэнк Милтон:

— Я из числа пассивных «Гарбо-вотчеров». Но, как говорится, раз в жизни даже телеграфный столб плодоносит. Так вот, стою я как-то ветреным февральским днем на переходе между Мэдисон-авеню и 57-й стрит в ожидании зеленого света и вдруг вижу — рядом со мной Грета Гарбо! Закутанная в плащ, нахохлившаяся. Обычно в подобных ситуациях я теряю дар речи. А тут словно плотину прорвало. Я протянул к ней руки жестом актера немого кино и патетически воскликнул: «Мисс Гарбо, вы божественны!» Слова вырвались помимо моей воли. Я спохватился, но было уже поздно. «Божественная», несмотря на красный свет, бросилась через улицу и чуть было не оказалась под колесами гигантского грузовика.

Гарбо величают «ходячим монументом манхэттенского Ист-сайда». Подсчитано,

* Грета Гарбо родилась 18 сентября 1905 года.

● Грета Гарбо в своей последней роли.

«БОЖЕСТВЕННАЯ»

захронометрировано, что в среднем в день она делает шесть километров. Шесть километров ежедневно проходит «Божественная» сквозь шпиритусы немого поклонения и обожания, волоча за собой шлейф восхищенного шепота.

— Это она!

— Смотрите, Гарбо!

— Где, где?

— Да вот там, у витрины «Рив Гуш»!

— Не может быть!

— Конечно же, она!

Это неповторимое и незабываемое лицо зритель увидел в последний раз на экране в 1941 году в кинофильме «Двуликая женщина». Гарбо не хотела сниматься. Сценарий был ей не по душе. Но продюсеры уломали ее. А критики сломали. Картина с треском провалилась. И Гарбо навеки распрощалась с кинематографом. А было ей тогда всего тридцать шесть лет. На экране она соблазнила и разбивала сердца, воплощаясь в проститутку Анну Кристи и аристократку Анну Каренину, в шпионку Мата Хари и актрису Сару Бернар (фильм «Божественная»), в королеву Христину и куртизанку Маргариту Готье. В жизни кино соблазнило и разбило ее сердце. «Безрадостный переулочек» — так назывался ее ранний фильм, в котором она дебютировала вместе с другой будущей кинозвездой — Марлен Дитрих. Название фильма оказалось пророческим и символическим. И вот сорок с лишним лет «двуликая женщина» делает все, чтобы никто не узнавал ее лицо. (Она даже носит огромные защитные очки).

Ее всегда считали «не от мира сего». И она попыталась уйти от него, находясь в нем. Но тщетно. Я имею в виду не наивных, хотя и временами назойливых «Гарбо-вотчеров», неважно, пассивных или активных. От них еще можно убежать, спрятаться, закутавшись в бежевый дождевик. (Постоянная «прозодежда» Греты Гарбо). Но как быть с теми, кто, говоря словами поэта, взбирается на сердце «в галошах и без галош»? Кто пытается чеканить длинный доллар, копаясь в грязном белье, в твоём прошлом? Кто пытается превратить пятнадцать лет твоей артистической жизни не в двадцать семь сыгранных тобою ролей, а в один сплошной — или сквозной? — будучи роман, чтение которого вогнало бы в краску даже Анну Кристи, даже Мата Хари?

Подлинные «Гарбо-вотчеры» презирают этих стервятников. Ведь они служат не музам — служение муз не терпит суеты, — а мамоне, самому суетному божеству в пантеоне богов, созданных человеком по своему образу и подобию. Артистиче-

ский псевдоним «Гарбо» придумал шведской девушке Грете Ловисе Густафсон выдающийся кинорежиссер Мориц Стиллер. Он говорил, что «Гарбо» звучит глубоким виолончельным звуком. Для стервятников оно звучит звоном монет...

Помню, несколько лет назад в одной из ньюйоркских газет появилось сенсационное сообщение о том, что издательская фирма «Саймон энд Шустер» заплатила рекордный аванс в один миллион долларов писателю Энтони Гроновичу за биографию Греты Гарбо. Фирма поставила автору условие, что книга (рабочий заголовок — «Образ Гарбо») будет опубликована только после смерти актрисы. Щедрые в отношении Гроновича, владельцы фирмы хотели выглядеть благородными в отношении Гарбо.

— Разумеется, я не помышляю о публикации интимных подробностей жизни Греты Гарбо без ее согласия. Книга Гроновича не скабрзная писанина, и с ее появлением в свет мир не провалится в тар-тарары. Но все-таки было бы нетактично поступать подобным образом. Поэтому я готов ждать еще двадцать лет, — сказал мне Майкл Корда, племянник известного английского кинорежиссера, главный редактор и вице-президент фирмы «Саймон энд Шустер».

Было это, если не ошибаюсь, в 1978 году. Грете Гарбо исполнилось семьдесят три года, и фирма великодушно позволяла ей прожить до девяноста трех лет, не беспокоясь о своем образе, обезображенном Гроновичем. (После нас — хоть потоп). Но Гарбо беспокоилась. Ознакомившись с рукописью, она объявила ее «грязной фальшивкой». Гарбо сказала издателю, что вообще не знает Гроновича, который выводит себя в книге ее любовником.

Сам Энтони Гронович, будучи рыцарем без страха и упрека — он не боялся позора и не страшился упреков, — настаивал

● Грета Гарбо на улице Нью-Йорка.

на немедленном опубликовании книги. Почему? На этот вопрос мне ответил его литературный агент Мортон Дженклов:

— Начнем с того, что мой подопечный получил в качестве аванса не один миллион долларов, а всего лишь сто пятьдесят тысяч. Согласитесь, что разница весьма существенная. Во-вторых, мы не можем пренебрегать рыночной конъюнктурой. Двадцать лет — большой срок. Где гарантия, что через двадцать лет книга о Гарбо будет пользоваться спросом?

— Значит, вы желаете ее скорой смерти?

— Зачем же так? Пусть живет себе хоть до ста лет. Это ее личное дело. А вот издание книги — дело наше и ее не касается.

— Но, позвольте, ведь книга о ней, а она считает ее фальшивкой.